

Романович Э.И.,

студент,

2 курс, факультет подготовки специалистов для судебной системы

Уральский филиал «Российский государственный университет

правосудия им. В.М. Лебедева»

Россия, г. Челябинск

Седышева Т.И.,

студент,

2 курс, факультет подготовки специалистов для судебной системы

Уральский филиал «Российский государственный университет

правосудия им. В.М. Лебедева»

Россия, г. Челябинск

**КРИПТОВАЛЮТЫ И ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРАВОВОЙ СТАТУС
ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

Аннотация: Статья посвящена сравнительно-правовому анализу статуса цифровых валют в России и зарубежных юрисдикциях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разграничения децентрализованных криптовалют и государственной цифровой валюты. Цель работы заключается в выявлении общих подходов и особенностей правового регулирования цифровых валют в России, ЕС, США и КНР. Практическая значимость исследования состоит в выработке рекомендаций по совершенствованию российского финансового законодательства.

Ключевые слова: финансовое право, правовой статус, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль.

***Abstract:** The article is devoted to a comparative legal analysis of the status of digital currencies in Russia and foreign jurisdictions. The relevance of the study is обусловлена the need to distinguish between decentralized cryptocurrencies and state-issued digital currency. The purpose of the research is to identify common approaches and specific features of the legal regulation of digital currencies in Russia, the EU, the USA, and China. The practical significance of the study lies in developing recommendations for improving Russian financial legislation.*

***Key words:** financial law, legal status, digital currency, cryptocurrency, digital ruble.*

Стремительное развитие финансовых технологий привело к формированию двух принципиально различных по своей правовой природе явлений: децентрализованные криптовалюты (Bitcoin, Ethereum) и суверенные цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currency — CBDC), российским аналогом которых выступает цифровой рубль. Если первая категория существует вне банковской системы, не обеспечена обязательствами публичных субъектов и эмитируется в результате майнинга, то вторая представляет собой форму национальной валюты, эмитируемую государственным банком и являющуюся законным платежным средством. Различие в их экономической и технологической природе предопределяет кардинально разный правовой статус, что создает значительные сложности для правоприменителя и участников гражданского оборота.

В Российской Федерации законодательное регулирование цифровых валют началось с принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Указанный нормативный акт ввел легальное определение цифровой валюты как совокупности электронных данных, не являющейся денежной единицей РФ или иностранного государства. При этом закон установил прямой запрет на

использование криптовалюты в качестве средства платежа на территории России, одновременно легализовав ее владение и совершение сделок с ней в рамках экспериментальных правовых режимов. Такой подход, получивший в доктрине наименование «криптовалюта есть, но платить ею нельзя», создает парадоксальную ситуацию: цифровая валюта признается объектом гражданских прав (ст. 128, 141.1 ГК РФ) [2], однако ее основное экономическое свойство — способность выступать средством платежа — законодательно заблокировано.

Как справедливо отмечает Л.Г. Ефимова, российский законодатель избрал путь «осторожной легализации» [3, с. 14], при котором криптовалюта не признается деньгами, но и не выводится из гражданского оборота полностью. Комментируя данную позицию, следует согласиться с автором в том, что такой подход позволяет сохранить баланс между необходимостью контроля за финансовыми потоками и недопущением полного ухода крипторынка в «теневую» зону. Вместе с тем, по мнению А.А. Ситника [4, с. 32], «запрет использования криптовалюты как средства платежа при одновременном признании ее объектом гражданских прав порождает внутреннее противоречие, поскольку экономическая сущность цифровой валюты заключается именно в ее обменных и платежных функциях» []. Данное замечание представляется обоснованным: если криптовалюта не может использоваться для оплаты, ее полезность как объекта гражданского оборота существенно снижается.

Параллельно с регулированием частных криптовалют в России активно развивается проект цифрового рубля. На основании Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] цифровой рубль определен как третья форма национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Эмитентом цифрового рубля выступает Банк России, который обеспечивает его функционирование на специальной платформе. Ключевое отличие

цифрового рубля от криптовалюты заключается в том, что он является законным платежным средством, обязательным к приему на всей территории Российской Федерации, и подлежит полной интеграции в существующую финансовую систему, включая механизмы налогообложения и принудительного исполнения судебных решений.

Анализируя правовую природу цифрового рубля, А.А. Ситник [4, с. 33] обоснованно указывает, что он не является «криптовалютой в традиционном смысле», а представляет собой «цифровую форму фиатных денег», что принципиально меняет его правовой режим. Развивая эту мысль, Л.Г. Ефимова [3, с. 17] подчеркивает, что цифровой рубль сохраняет все существенные признаки национальной валюты, включая обеспечение Банком России и обязанность приема, тогда как частные криптовалюты такими свойствами не обладают. Представляется, что именно этот тезис должен стать отправной точкой для разграничения указанных правовых институтов в судебной практике и доктринальных исследованиях.

Обращение к зарубежному опыту регулирования цифровых валют демонстрирует многообразие подходов, которые условно можно классифицировать по степени либерализации. Европейский союз принял масштабный Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets) [6], вступивший в силу в 2024 году, который вводит единое правовое поле для обращения криптоактивов на территории всех государств-членов. Подход ЕС характеризуется созданием комплексной системы лицензирования криптовалютных бирж и кошельков, требований к прозрачности эмиссии токенов и защите прав держателей криптоактивов. При этом Биткоин и аналогичные криптовалюты не признаются законным платежным средством, однако их оборот не запрещен и подлежит налогообложению аналогично финансовым инструментам. Параллельно Европейский центральный банк разрабатывает цифровой евро как CBDC, который будет обладать полноценным статусом законного платежного средства.

Соединенные Штаты Америки демонстрируют фрагментарный подход к регулированию криптовалют. На федеральном уровне отсутствует единый закон о цифровых валютах, а их статус определяется различными ведомствами в зависимости от контекста. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) рассматривает большинство криптоактивов как ценные бумаги, Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC) — как товары (включая Биткойн), а Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) — как виртуальную валюту для целей противодействия легализации доходов. Такая разобщенность создает правовую неопределенность и выступает предметом критики со стороны участников рынка. В то же время Федеральная резервная система разрабатывает концепцию цифрового доллара (CBDC), однако его внедрение происходит медленнее по сравнению с Китаем и Евросоюзом из-за активной позиции частного сектора и опасений по поводу избыточного контроля государства за финансовыми потоками.

Наиболее жесткую позицию в отношении частных криптовалют занимает Китайская Народная Республика. С 2021 года в КНР действует полный запрет на все операции с криптовалютами, включая майнинг, трейдинг и расчеты. Исключение не сделано даже для Биткойна, который рассматривается как угроза финансовой стабильности и инструмент утечки капитала. Одновременно с этим Китай является мировым лидером по внедрению CBDC — цифровой юань (e-CNY) активно тестируется в крупнейших городах и используется для выплаты заработной платы государственным служащим, социальных пособий и розничных платежей. Таким образом, китайская модель демонстрирует предельную поляризацию: полное подавление частных криптовалют и форсированное развитие государственной цифровой валюты.

Сравнивая российский и зарубежный подходы, Д.А. Кочергин [7, с. 2259] приходит к обоснованному выводу о наличии конвергенции регулирования: независимо от исходной модели, большинство юрисдикций

движется к усилению контроля за оборотом частных криптовалют и одновременному внедрению национальных CBDC. Комментируя данную позицию, следует отметить, что такая конвергенция обусловлена объективными причинами: государства стремятся сохранить монополию на эмиссию денег и возможность проведения эффективной денежно-кредитной политики, одновременно не желая полностью терять налоговую базу, связанную с оборотом криптоактивов. В этом контексте показательно наблюдение О.М. Шевченко [8, с. 49], которая подчеркивает, что США и страны ЕС, в отличие от Китая, избрали путь не запрета, а легализации с жестким пруденциальным надзором, что представляется более сбалансированным подходом.

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить несколько ключевых выводов. Во-первых, ни одна из рассмотренных юрисдикций (за исключением Сальвадора, признавшего Биткоин законным платежным средством) не приравнивает частные криптовалюты к национальным деньгам. Биткоин и аналоги повсеместно рассматриваются как объект инвестиций или товар, но не как средство платежа, обязательное к приему. Во-вторых, наблюдается глобальный тренд на усиление регулирования оборота криптовалют: вводятся требования к идентификации пользователей (KYC), лицензированию провайдеров криптоуслуг и обязательному декларированию операций для целей налогообложения. В-третьих, внедрение CBDC (цифрового рубля, цифрового юаня, цифрового евро) осуществляется по единой модели: центральный банк является эмитентом и оператором платформы, цифровая валюта признается законным платежным средством и полностью интегрируется в существующую финансовую инфраструктуру.

Для российской правовой системы и правоприменительной практики из проведенного анализа следуют практически значимые рекомендации. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о цифровых валютах в направлении создания механизмов принудительного обращения

взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства, унификации подходов к налогообложению операций с криптоактивами и гармонизации российских норм с международными стандартами (в частности, с регламентом MiCA). Одновременно требуется нормативное закрепление особого режима цифрового рубля с четким разграничением его правовой природы и природы частных криптовалют, чтобы исключить смешение этих категорий в судебной практике и договорной работе. Только при системном подходе к регулированию обеих разновидностей цифровых валют возможно обеспечение баланса между инновационным развитием финансового рынка и защитой прав добросовестных участников оборота.

Использованные источники:

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Ефимова Л. Г. Цифровые валюты центральных банков: правовая природа и перспективы регулирования // Банковское право. 2022. № 3. С. 12–19.
4. Ситник А. А. Правовой статус цифрового рубля в системе безналичных расчетов // Финансовое право. 2023. № 4. С. 31–35.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31. Ст. 5766.

6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. 2023. Vol. L 150. P. 40–205.

7. Кочергин Д. А. Криптовалюты и цифровые валюты центральных банков: сравнительный анализ функций и рисков // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 10. С. 2250–2268.

8. Шевченко О. М. Сравнительно-правовой анализ регулирования криптовалют в России, ЕС и США // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 44–52.

9. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. М. : Банк России, 2020. 48 с.

10. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.